ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Г. В. СТАДНИКОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ, ВОЗРОЖДЕНИЯ, XVII ВЕКА

Допущено
Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования и науки РФ
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению «Филологическое образование»

ACADEMIA

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 82.09(075.8)
ББК 83.3(0)4я73
С11

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета *Л. В. Сидорченко*;
главный научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) *Р. Ю. Данилевский*

Стадников Г. В.
С11 Зарубежная литература и культура Средних веков, Возрождения, XVII века : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. В. Стадников. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 176 с.
ISBN 978-5-7695-5162-8

Учебник, предназначенный для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Филологическое образование», знакомит студентов с основными явлениями литературы и культуры Средневековья, Возрождения и XVII века. В учебнике прослеживается становление и специфика основных литературных жанровых форм, типов художественного отражения мира. Специально рассматривается вопрос о принципах изображения человека на разных этапах культурного развития. В основе учебника лежит концепция о глубокой взаимосвязанности литературы Средневековья и Возрождения. Учебный материал распределяется на основе историко-литературного метода, с учетом метода проблемно-тематического.

УДК 82.09(075.8)
ББК 83.3(0)4я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

ISBN 978-5-7695-5162-8
© Стадников Г. В., 2008
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «Литература и культура Средних веков и Возрождения» предназначен для подготовки специалистов по специальности 540300 «Филологические науки», цикл общепрофессиональных дисциплин.

Дисциплина «Литература и культура Средних веков и Возрождения» — часть общего курса, который читается в течение четырех семестров на первой ступени многопрофильного образования (бакалавриат).

В полном объеме данный курс состоит из четырех дисциплин, последовательно изучающихся на первом и втором курсах бакалавриата: «Литература и культура Древнего мира», «Литература и культура Средних веков и Возрождения», «Литература и культура XVI—XVII веков», «Литература и культура Просвещения».

Научной основой для построения курса служит теория о трех наиболее общих и устойчивых типах художественного сознания: архаическом (мифопоэтическом), традиционалистском (нормативном), индивидуально-творческом (историческом, т. е. опирающемся на принципы историзма). Содержание курса посвящено времени господства двух первых типов художественного сознания. Это мифопоэтический тип, который берет свое начало в глубокой древности и длится до VI—V в. до н. э., и традиционалистский тип, завершающийся в конце XVIII в. Именно в рамках данного длительного периода художественного развития закладывается фундамент словесного искусства, определяются такие коренные категории, как жанр, стиль, автор, формируются основы теории литературы. Таким образом, на первых двух курсах бакалавриата студенты получают основы знаний о закономерностях развития литературного процесса, о специфике литературных родов — эпоса, лирики, драмы, об исторической изменчивости жанра, стиля и автора, о принципах художественного отражения мира. Так, курс, состоящий из четырех взаимосвязанных дисциплин, получает свое органичное завершение. На третьем и четвертом курсах студенты, опираясь на полученные знания, изучают литературу и культуру индивидуально-творческого типа художественного сознания, т. е. литературу и культуру XIX и XX веков.

Учебник «Литература и культура Средних веков и Возрождения» отличается от традиционных учебников, посвященных этому же периоду художественного развития, тем, что в его основе лежит концепция о глубокой взаимосвязанности литературы и

культуры Средних веков и Возрождения. Как невозможно отграничить Данте от Возрождения, так и невозможно отделить от XVII в. драматургию Шекспира, Джонсона, Лопе де Вега, плутовской роман и роман Сервантеса. Главные художественные направления XVII в. — классицизм и барокко — родились в эпоху Возрождения. Поэтому во втором разделе учебника подробно изучаются лирика, новелла и литературный эпос, закономерно продолживший свое развитие в XVII в. в творчестве Мильтона. Новым драме и роману, которые начали свое формирование в XVI в. и блистательно продолжили развитие в XVII столетии, посвящен следующий специальный учебник «Литература и культура XVI— XVII веков», где рассматриваются драма, роман и театральная культура этого времени.

Основное содержание настоящего учебника — не культурология, а литература. Поэтому вопрос о культуре здесь решен в особом аспекте. Исходным тезисом послужило положение, что ядром культуры является человек. Созданная человеком культура — модель самого человека. Культура познается через познание человека. А все знания человека об окружающем мире, о самом себе заключены в слове. Как замечал Ю.Лотман, «слово — текст культуры». Именно поэтому культура каждой эпохи раскрывается в литературе, в художественном слове.

Учебник ставит своей задачей познакомить студентов с наиболее значительными художественными явлениями и закономерностями литературного развития в эпохи Средних веков и Возрождения и наметить путь к литературе XVII в.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем учебнике рассматриваются общие закономерности и отдельные специфические черты культурных эпох Средневековья и Возрождения в западноевропейском регионе.

Уточним содержание таких понятий, как «всемирная литература», «литературный регион», «литературная эпоха».

Понятие *всемирная литература* вошло в широкий культурный обиход в начале XIX в., его авторство принадлежит Гёте. Употребляя данный термин, мы имеем в виду некое системное единство, включающее все литературы мира. Закономерности, объединяющие это единство, очень общие, причем проявляются они в многообразных формах на уровне более узких системных образований: региональных и зональных, затем отдельных национальных литератур и, наконец, творческих миров крупнейших художников слова (к примеру, Данте).

Понятие *литературный регион*, или *региональная литературная система*, означает сообщество литератур, функционирующих на едином географическом пространстве, связанных общностью исторических судеб народов, близостью культурного наследия, религии, философии и эстетической мысли. Иными словами, речь идет о содружестве литератур сходного духовного и психологического типа.

Границы литературного региона исторически изменчивы. Наглядный пример — судьбы эллинского, или средиземноморского, региона, с которым прямой преемственностью связана художественная культура Западной Европы. Первоначально территория этого региона ограничивалась небольшой областью на Балканском полуострове (Эллада), побережьем Малой Азии и островами Эгейского моря. Но в результате завоеваний Александра Македонского, а затем возвышения Рима и образования Великой Римской империи возник огромный литературный регион.

К III в. н.э. он занимал значительную часть Европы, его границы простирались до Египта и Сирии. Доминирующими в этом регионе были литературы древнегреческая и римская.

Решая вопросы периодизации литературного процесса, обычно оперируют такими понятиями, как «литературная эпоха», «этап литературной эпохи». Термином *литературная эпоха* обозначают хронологический отрезок, в течение которого литература региона проходит законченный цикл развития. Причем цикл этот отличается особым типом художественного сознания, поэтики, эстети-

ческой мысли. Литературная эпоха — явление динамичное, развивающееся, в котором выделяются этапы, фиксирующие отдельные периоды эволюционного процесса. По окончании литературной эпохи литература данного региона или исчерпывает себя (античная литература на переходе от древности к Средневековью), или трансформируется в новом качестве (западноевропейские литературы в период перехода от Средневековья к Возрождению).

Началом литературной эпохи Средних веков принято считать III—IV вв. н. э., концом — середину XIV в. (но только для Италии) и XV в. (для других стран Западной Европы). В пределах самой эпохи выделяют два этапа: III—IV—X вв. — раннее Средневековье; XI в. — середина XIV в. — XV в. — зрелое Средневековье.

Переход от литературной эпохи древности к эпохе Средних веков был сложен, длителен, труден, а природа этого процесса находит объяснение в двух взаимосвязанных факторах: историческом и мировоззренческом.

Великая Римская империя, достигнув апогея своего величия и могущества к началу новой эры, уже в III в. переживала глубокий кризис. Империя умирала. Обнаружилась полная исчерпанность экономических основ рабовладельческого общества, все труднее было сдерживать натиск народов Северной Европы. В 395 г., после смерти императора Феодосия, империя распалась на Западную и Восточную. В 476 г. Западная империя перестала существовать: ее последний император Ромул Августул был низложен вождем племени скиров Одоакром. Так исчезла историческая основа, определившая единство Средиземноморского литературного региона.

Сложные процессы происходили в области религиозной, философской и художественной жизни. Кризисные явления, охватившие все сферы бытия позднеантичного рабовладельческого общества, побуждали к поиску новых ориентиров. Стремление найти опору в страшном и дисгармоничном мире способствовало сужению философских исканий до сферы личной этики. Среди подобного рода учений (гностицизм, герметизм) наиболее популярным оказался скептицизм, зародившийся еще в IV в. до н. э. Скептики учили: главное зло — несвобода. Человек находится во власти внешних обстоятельств, в рабстве собственных страстей. Нужно уверовать, что все относительно, отречься от внешнего, погрязшего в пороках мира и погрузиться в собственную душу. Залог истинного счастья — невозмутимость, безмятежность, спокойствие, внутренняя гармония. Но уйти в себя — значит оторваться от мира, вычлениться из родового коллективизма. А поэтому философская мысль развивалась и в ином направлении. Следовало найти пути, помогающие преодолеть разобщенность и отчуждение, обнаружить связующую нить между человеком и человечеством, человеком и космосом. Этот круг проблем и на-

шел свое отражение в философии неоплатонизма, основатель которой Плотин (205—270) так говорил о конечной цели своего учения: «Я хотел божественное в нас вознести к божественному во всем».

Плотин исходил из убеждения, что мир един (или един космос), и в этом отношении его философская система совпадает с античным мировоззрением. Но Плотин выходил за рамки античного миропонимания, развернув мир по вертикали, разбив его на сферы более ценные и менее ценные (единое — мир идей — мир души — мир тел), заявив тем самым о приоритете духовного над материальным. Таким образом, учение Плотина, оставаясь в главном в рамках античного представления о единстве бытия (монизм), многими гранями соприкасалось с христианским двоемирием (дуализм).

Христианство, зародившись в начале I в. н.э. и в течение нескольких столетий оставаясь официально непризнанной религией, вместе с тем обретало все большее влияние и авторитет. В III в. появились крупнейшие христианские писатели, такие как Тертуллиан (ум. 220), Лактанций (ум. 225), Киприан (ум. 258). В следующем веке, при императоре Константине, был принят Миланский эдикт (313), предоставивший право христианам исповедовать свою религию, а вскоре оглашен «Эдикт о веротерпимости» (324), согласно которому язычники признавались «заблуждающимися», хотя им и не было запрещено исповедовать свой культ. Но уже в 392 г. специальным распоряжением императора Феодосия им в этом было отказано.

Христианство утверждалось не только официально, как государственная религия, учение христиан имело решающее значение для формирования нового миропонимания, в основе которого лежала ориентация на сверхприродного бога и иррациональную веру. Если в античные времена внимание сосредоточивалось на видимом космосе, который постигался силой разума, то средневековое сознание, напротив, стремилось выйти за пределы предметного к духовному, постигаемому не силой разума, а крепостью веры.

Однако принципиальное отличие античного и средневекового миропонимания не исключало органического синтеза этих двух начал в формировании художественного сознания новой эпохи. Характерно, что один из первых христианских писателей Ориген Александрийский (185—253) утверждал: правильно понятая Библия не противоречит философии, как и философия не вредит Библии.

Вместе с тем в систему западноевропейского литературного региона включалась и культура северных народов (германцев, скандинавов, англосаксов), ранее не входивших в состав Великой Римской империи. У этих народов были свои верования, своя мифо-

логия, свой художественный язык. В течение столетий продолжался процесс далеко не мирного, но вместе с тем взаимообогащающего сосуществования двух культур в рамках единого литературного региона. Завершился этот процесс лишь в пору зрелого Средневековья.

Что же касается раннего Средневековья, то словесную культуру этого этапа удобнее всего рассматривать отдельно, обратившись к той, что сформировалась на базе антично-христианского синтеза, и той, что связана с мировоззренческими и художественными традициями народов Северной Европы. В первом случае речь идет о литературе письменной, продолжавшей опыт римской латыни; в другом — о литературе устной, языком которой были местные диалекты, а затем формирующиеся новоевропейские языки.

РАЗДЕЛ I. **СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Глава 1

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Письменная литература

Литература Средних веков связана с литературами древности множеством нитей, среди них одна из главных — письменный язык. Античные литературы Средиземноморского региона развивались на двух языках: древнегреческом и латыни. Судьбы этих языков различны. Первые надписи на древнегреческом относятся к VII в. до н.э. Латынь значительно моложе. К III—II вв. до н.э., когда начинает формироваться письменность на этом языке, существовала не только богатейшая литература на древнегреческом, но и были заложены основы грамматической теории, риторики. Письменная латынь, развиваясь с учетом опыта древнегреческого, достигла своей классической зрелости в I в. до н.э. Высочайший образец латинской прозы — сочинения Цицерона (106—43 гг. до н.э.), поэзии — творения Вергилия (70—19 гг. до н.э.).

Вместе с расширением границ Римской империи латынь распространилась на огромной территории. Распад империи, образование двух новых литературных регионов, художественная жизнь которых начинает строиться по собственным законам, находит прямое отражение на судьбах письменного языка. На базе древнегреческого возникает новая разновидность греческого литературного языка (среднегреческий), на нем формируется литература Византии. Латынь в период раннего Средневековья становится языком письменной литературы западноевропейского региона, языком государственных учреждений, церкви, школы, средством общения образованных слоев общества. Авторитет латыни был необычайно высок. Знание латыни служило главным признаком образованности; сказанное на латыни считалось самым убедительным, авторитетным, веским.

Средневековую латинскую литературу можно условно разделить на два вида: светскую и клерикальную.

Светская литература. Ее памятники довольно многообразны. Наиболее значительный из них — поэма «*Руодлиб*» (XI в.), своеобразный прообраз рыцарского романа, поэма ***Ниварда Гентского***

«*Изенгрим*» (XII в.), начинающая историю животного эпоса в западноевропейской литературе, поэма ***Вальтера Шатильонского*** «*Александреида*» (XII в.), получившая широкую популярность благодаря образу главного героя, великого своей исключительной отвагой и столь же высокими добродетелями. Богатой была светская поэзия на латыни, в XII—XIII вв. очень громко заявившая о себе в творчестве вагантов. Неповторимый сплав исторического и художественного сочинения представляют собой латинские хроники: «*История франков*» ***Григория Турского*** (VI в.), «*История лангобардов*» ***Павла Диакона*** (VIII в.), «*История датчан*» ***Саксона Грамматика*** (XII в.).

Клерикальная литература отразила наиболее характерные черты духовной жизни того времени. Создавалась она в основном служителями церкви. Функции учительские — религиозные, нравоучительные, обрядовые — доминировали в ней над ценностями эстетическими. Назначение клерикальной литературы — развить благочестие, усмирить страсти, научить жить по библейским заветам. Неслучайно неисчерпаемым источником клерикальной литературы как в области идей, так и в области художественного была Библия — Ветхий и Новый Заветы. Ближе познакомиться с этой вечной книгой Запад смог благодаря деятельности ученого и богослова ***Иеронима*** (347—420). Человек универсальной образованности, Иероним говорил о себе: «Я философ, ритор, грамматик и диалектик, иудей, грек и латинянин». Отличное знание древних языков позволило Иерониму как переводчику работать с оригиналами. Ветхий Завет он перевел на латынь с древнееврейского, Новый Завет — с греческого. Именно Иероним обратил внимание на художественное значение Библии, что оказало огромное влияние на последующее развитие европейской культуры.

Клерикальная литература отличалась богатством и многообразием жанровых форм. В области поэзии первое место принадлежит *литургическим гимнам*. Известным их сочинителем был епископ ***Амвросий Медиоланский*** (ум. 397). Он первым ввел гимны в западноевропейское богослужение. Широкую известность имели гимны крупнейшего поэта ***Пруденция*** (ум. после 405). В своей книге «О венцах», состоящей из 14 гимнов, поэт повествовал о судьбах христианских мучеников, посвятивших свои жизни служению христианской вере. Сочинялись гимны во славу Христа, Святого Духа, Девы Марии. Гимны, адресованные широкой массе верующих, отличались ясностью слова, простотой синтаксиса. Их воздействие на слушателей было непосредственным, затрагивая в первую очередь область чувств, создавая настроение духовной углубленности.

Высочайшего искусства достигла *ораторская проза*, в числе ее жанровых форм — *проповедь*. Ораторы-проповедники, желая сде-

лать свою речь более доступной, щедро включали в нее занятные истории, случаи из жизни, фольклорные мотивы. Эти примеры, предназначенные иллюстрировать моральные сентенции, стали тем плодоносным зерном, из которого впоследствии выросла средневековая новелла.

Популярнейший жанр клерикальной литературы — *агиографии*, или жития святых. Именно в этих повествованиях во всей полноте предстал новый тип героя, человек, для которого главной и единственной целью стало служение Богу, спасение собственной души. Герой этот, наделенный титанической силой духа, умел безоговорочно отвергнуть все земное: привязанность к близким, любовь, богатство, славу. Но считая свою душу неотъемлемой частью универсума, спасая себя, он совершал подвиг во имя спасения других.

Агиография имела строгий жанровый канон. Обычно это был рассказ о сыне богатых и благочестивых родителей, долгие годы бездетных. Рождение сына следовало лишь после долгих молитв и обращений к Богу. Святость героя проявлялась еще в детском и юношеском возрасте. Став взрослым, «избранник» раздавал свое имущество, полностью посвящая себя великой миссии. В течение жизни герой совершал множество подвигов. Чудеса, связанные с этим святым, продолжались и после его смерти.

В идеальной форме этот канон выстроен в «*Житии Алексея, человека Божья*». Данная легенда возникла в Сирии в V—VI вв. Со временем она приобрела невиданную популярность, зазвучав на языках Западной и Восточной Европы, в арабском мире, Византии.

История Алексея, человека Божья, во имя служения высшему ушедшего из родного дома, отказавшегося от любви, богатства, славы, должна была вызвать умиление, пробудить в душах верующих чувство сострадания, слезную жалость. История эта должна была сказать: уделом человека не может быть его обыденное земное бытие. Есть более высокая цель. Но жить на земле «неземным образом» дано не каждому. Это удел людей особой силы воли, людей, отмеченных боговдохновенной мудростью.

Клерикальная литература числит в своих рядах многих крупных писателей. Но среди целого созвездия таких имен, как Боэций, Венанций Фортунат, Павел Диакон, одно из первых мест принадлежит ***Аврелию Августину*** (354—430). Выходец из Северной Африки, он вырос в семье отца-язычника, принявшего крещение лишь перед смертью. Мать Аврелия, напротив, была убежденной христианкой, сделавшей все, чтобы приобщить сына к своей вере. В молодости Аврелий предавался всем радостям жизни, любил и был любим, посещал зрелища, театральные представления. Оказавшись в Риме, он увлекся манихейством — широко распространенным в поздней античности религиозным

течением. Но период манихейства Аврелия был недолог — в 387 г. он принимает крещение и вскоре возвращается в Северную Африку. Со временем Аврелий становится одним из самых крупных христианских богословов и писателей, в 396 г. занимает епископскую кафедру в городе Гиппоне, оставаясь на этом служении вплоть до своей смерти в 430 г. Литературное наследие Аврелия Августина огромно. Но среди созданных им книг особое значение имеют две: «Исповедь» (400) и «О граде Божьем» (428).

«*Исповедь*» Аврелия — начало нового литературного жанра, которому было суждено бессмертие. По ее примеру впоследствии были написаны «История моих бедствий» П. Абеляра, «Новая жизнь» Данте, «О презрении к миру» Ф. Петрарки, «Опыты» М. Монтеня, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо. «Исповедь» менялась в веках, но в ней навсегда сохранилось то, что впервые дало о себе знать в книге Аврелия Августина: психологическая самоуглубленность, искренность в раскрытии своих ошибок, беспощадность самооценок, пафос покаяния.

«Исповедь» Аврелия — книга раннесредневековая, чем и объясняются ее неповторимые особенности. Зачем пишет свою книгу Аврелий Августин? Чтобы познать самого себя? Нет, замысел в ней иной. Всматриваясь в себя, в глубины души своей, Аврелий желает постичь не личное, единственное, а высшее, общее. Самоуглубление — это путь познания Бога. «Превзойди самого себя» — вот конечный пафос книги Аврелия. Сам он, человек, вторичен по сравнению с тем, к кому устремлены все помыслы автора исповеди. Аврелий пишет о Боге: «Я вовсе не существовал бы, если бы Ты не был во мне, или, точнее, не существовал бы, если бы не был в Тебе, из Которого все, в Котором все».

Однако объективный смысл книги выходит за рамки ее субъективного замысла. У Аврелия человек соотносится с Богом, собеседует с ним. Исповедуясь, человек раскрывает динамику своего внутреннего мира, бездонные глубины своего подсознания. «Исповедь» Аврелия говорит о том, как сложен, неоднозначен, внутренне разорван человек: «Две мои воли, одна старая, другая новая; одна плотская, другая духовная, боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя».

Книга Аврелия Августина, задуманная как путь познания Бога, оказалась и путем познания человека.

Другая книга Аврелия Августина — «*О граде Божьем*» — подводит черту под популярнейшим в раннехристианской литературе жанром *аполога*. До официального признания христианства сторонники гонимой церкви в многочисленных апологах защищали истинность своей веры. Став церковью торжествующей, христианство перестало нуждаться в защите, а жанр аполога утратил свою актуальность. Однако в V в. наблюдается заметный

рост языческих настроений. Особенно усилились они после невиданного разграбления Рима вестготами (410). В течение восьми веков, со дня своего основания и до этого рокового события, враги ни разу не проникали за стены Вечного города. Случившееся многие рассматривали как вселенскую катастрофу, во всем обвиняя христиан. Ведь это они изгнали из Рима его прежних богов-покровителей, это они, проповедуя смирение, всепрощение, всеобщую любовь, воспитали поколения, не способные дать отпор завоевателям. И Аврелий создает свой грандиозный аполог «О граде Божьем», выступая на защиту христианской веры.

Есть два града, рассуждает в своей книге писатель-богослов. Один — земной, основанный на любви к себе, доведенной до презрения к Богу. Олицетворение этого мира — Римская империя, основанная на насилии, на крови братоубийства: Ромул убил Рема. И есть «небесный град», основанный на любви к Богу. Царство этого града — христианская церковь. В будущем небесный град восторжествует, а те, кто не приобщен к жизни «по духу», обречены на вечные муки. Так формируется новое представление о Времени. Если для античности Время круговращательно, повторяемо, то теперь оно трактуется как линейное, поступательное, а каждое событие в истории — уникальное, единственное.

Открыв динамику человеческой души в «Исповеди», Аврелий Августин в апологе «О граде Божьем» выявил динамику исторической жизни.

Клерикальная литература завершила свою жизнь уже в период зрелого Средневековья. Одна из ее последних крупных книг — сборник «*Римские деяния*», составленный в Англии в начале XIV в. Книга состоит из множества рассказов, причем структура каждого из них подчиняется единому принципу: красочный пример, взятый из мифа, сказки, жития, просто из жизни, и нравоучительный вывод. Но рассказ и мораль обычно связаны чисто формально: дидактическое назидание легко можно проиллюстрировать и другими примерами. Последнее обстоятельство во многом объясняет, почему клерикальная литература оказалась в дальнейшем нежизнеспособной. Суть вопроса в том, что ее учительские, нравоучительные цели приходили во все большее противоречие с самой природой художественной литературы. Стремясь лишь поучать и мало заботясь об эстетическом начале, клерикальная литература становилась все схематичнее, абстрактнее, дидактичнее, теряя вместе с этим и читателя.

К концу литературной эпохи Средних веков клерикальная литература исчерпала себя как литература художественная, а латынь стала языком в основном богословия и науки.

Народно-поэтическое творчество

На этапе раннего Средневековья в границах западноевропейского литературного региона существовала и литература устная, или народно-поэтическое творчество. Вопрос о происхождении устного художественного слова получил свое истолкование в теории первобытного хорового синкретизма, обоснованной русским ученым А. Н. Веселовским (1838—1906).

Теория А. Н. Веселовского. Ученый считал: все виды поэтического творчества существовали первоначально в синкретизме, т. е. неразделимой слитности. Доминирующими элементами синкретизма были *ритм* и *напев*. Со временем, в период разложения патриархально-родового строя, происходит разложение хорового синкретизма, в результате чего самоопределяются три литературных рода: *лирика*, *эпос*, *драма*. Вместе с этим в художественном творчестве начинает проявляться индивидуальное начало: от запевалы хора идет путь к певцу — сочинителю и исполнителю.

Принимая теорию Веселовского, современная наука усматривает в ней одно слабое звено. В первобытном синкретизме Веселовский переоценивал ритмико-мелодическое начало, оставляя на втором плане вопрос о роли и значении слова, в то время как первобытное художественное творчество было не только эмоциональным, но и мыслительным отражением внешнего и внутреннего миров.

Развивая и уточняя теорию Веселовского, исследователи считают сегодня, что непосредственными предшественниками литературы были *миф* и *обряд*. Причем их назначение в жизни первобытного человека было разное. Миф, отражая мир, стремился его объяснить и истолковать; обряд пытался на мир воздействовать, подчинить себе. В мифе доминировало рационально-логическое мышление, в обряде — художественное, образное. В этом отношении миф имел большее значение для эпического, повествовательного рода словесности, обряд — для лирики.

Выросшая из мифа и обряда народно-поэтическая словесность раннего Средневековья бытовала в устной традиции, что объясняет многие особенности ее поэтики.

Теория А. А. Потебни. Известный филолог А. А. Потебня (1835—1891) замечал, что народная поэзия и письменная литература «служат представителями двух различных состояний человеческой мысли, которые относятся друг к другу как степени, предшествующая и последующая». Устное слово — «первичный знак», слово написанное — «знак знака». Слово устное более непосредственно, безыскусно. Оно эмоциональнее, ибо накрепко связано с напевом, ритмом. Сочинитель и певец выступают в одном лице. Каждое исполнение даже уже известного является в некотором

роде и новым сочинением. Текст текуч, в нем много авторских вкладов. Поэтому его конкретного сочинителя, как правило, назвать невозможно. Это мир анонимных текстов.

Литературу этого рода не читали, а слушали. Оценка аудитории имела решающее значение. Если текст нравился, он продолжал жить, меняясь в устах певцов согласно вкусам времени; если текст не находил отклика у слушателей, то переставал исполняться, забывался и навсегда утрачивался.

Высшим достижением народно-поэтической культуры раннего Средневековья были лирика и эпос.

Песня как жанр лирики. Это одна из самых распространенных и популярных жанровых форм в Средние века. Песни повествовали обо всех этапах жизни человека, о всех сферах его интересов; песни запечатлели и безграничный полет мысли человека, и высочайший накал его чувств. Известны песни любовные, свадебные, похоронные, обрядовые, трудовые, воинские, песни-шутки, песни-молитвы. Сохранилось этих песен немного, ибо записывались они редко, да и делать это было небезопасно. Начиная с VI в. в постановлениях церковных соборов народные песни решительно осуждаются. Церковь именует их «позорными забавами», «бесовскими игрищами».

Среди дошедших до нашего времени средневековых песен особенно выделяется «*Песнь о Хильдебранте*», записанная на полях богословского трактата в конце VIII или начале IX в. Относится эта песня к разряду воинских, или героических. Исполнялись такие песни в дружинной среде, перед боем или после боя, в минуты смертельной опасности и в дни торжества победы. Эти песни были призваны воодушевить воинов, прославить их героизм, заклеймить позором врагов и трусов.

«Песнь о Хильдебранте», возникшая в дружинной среде древних германцев, повествует о событии, типичном для времени распада патриархально-родовых отношений и Великого переселения народов. Коллизия подобного рода была художественно освоена в литературах многих стран и в силу своего широкого бытования может быть причислена к «бродячим сюжетам».

Отец некогда разлучился с семьей, оставив сына-младенца. Спустя много лет судьба сводит отца с сыном, но теперь они представители враждующих сторон. О том, что перед ним его сын, отец узнает лишь в последние минуты перед началом смертельного поединка. Старший хотел бы избежать единоборства, младший горит желанием вступить в бой. Обвинение в трусости — тягчайшее по тем временам — заставляет Хильдебранта принять вызов.

Конец песни отсутствует. Можно лишь предполагать, учитывая характер интерпретации финала подобных историй в других литературных памятниках, что победу должен был одержать старший, как более опытный воин.

Героическая песнь, в отличие от эпической поэмы, невелика по объему, так как рассчитана на исполнение в один прием. Песня имеет установку на предельную лаконичность: из нее исключены подробные описания, побочные эпизоды, отступления; крайне экономен арсенал образных средств. В песне доминирует диалог: он определяет и динамизм, и драматизм действия. Душевные борения героев не раскрываются: они как бы опосредованно воссоздаются общей атмосферой происходящего, скупыми энергичными репликами персонажей.

В песне рассказывается история на первый взгляд частная, личная — столкновение отца с сыном, но обращена она к проблемам эпохальным, глобальным по их нравственному смыслу.

Человек раннего Средневековья в равной степени отдавал дань двум ценностям: одна — верность родовым связям, предкам, священной общности по родной крови, другая — верность сюзерену, дружинным интересам, союзу, основанному на клятве, закрепленной ритуальной кровью. Ценности эти одинаково важны — сделать выбор между ними трагически трудно и едва ли возможно.

Хильдебрант делает выбор только тогда, когда оказывается обвиненным в трусости. Трагическая парадоксальность ситуации в том, что сразиться с сыном он вынужден во имя самого же сына. Ибо нет ничего выше, чем слава, и нет ничего страшнее, чем позор. Позор на имени отца — это позор и на имени рода, и на имени сына.

В воинских песнях изображались события ужасные, неслыханные. Но именно поэтому они высокогероичные. Ибо чем более впечатляюще событие, тем больше отклоняется оно от рамок обыденного, тем более потрясает и поражает воображение.

В событии невероятном, необычном, мера которого — жизнь или смерть, с наибольшей полнотой раскрывается человек: один достигает вершин своего величия, другой — бездонных пределов своего падения.

Героическая песнь Средних веков, повествуя не о громких триумфах и победах, а о трагических коллизиях потрясающей силы, призывала к раздумьям о коренных ценностях человека и мироустройства.

Вопросы для самопроверки

1. Какое значение имела латынь в раннем Средневековье?
2. Каков вклад Иеронима в культуру Средневековья?
3. В чем типичность героя агиографии?
4. Каким был замысел «Исповеди» Аврелия Августина и каково значение его книги?
5. В чем суть теории первобытного хорового синкретизма А. Н. Веселовского?
6. В чем отличие героической песни от эпической поэмы?

ЛИТЕРАТУРА

Августин Аврелий. Исповедь. — М., 1992.

Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. — М., 1992.

Гуревич А. Л. Средневековый мир. Культура безмолвствующего большинства. — М., 1990.

Дуров В. С. Латинская христианская литература III—V веков. — СПб., 2003.

Хрестоматия по литературе Средневековья: в 2 т. / сост. Г. В. Стадников. — СПб., 2003. — Т. 1.